

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ИМПЛИЦИТНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О ЖИЗНЕСПОСОБНОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Е.Ф. Яценко¹, Л.В. Саркисян², Р.Р. Мелатен³

¹ Петербургский государственный университет путей сообщения
Императора Александра I, г. Санкт-Петербурга, Россия

² Костанайский государственный университет имени А. Байтурсынова,
г. Костанай, Казахстан

³ Чартерная школа для взрослых «New Opportunities Organization»,
г. Лос-Анджелес, Калифорния, США

Обоснование. Идея изучения имплицитных представлений о жизнеспособности человека в кросскультурном контексте представляется новой и интересной в плане выявления внутренних механизмов формирования стратегий поддержания жизнеспособности у представителей разных этносов. **Цель** исследования заключается в выявлении кросскультурных различий в имплицитных представлениях о жизнеспособном человеке. **Материалы и методы.** Выборка включала: 470 человек представителей казахской национальности; 470 граждан Российской Федерации; 410 человек, имеющих гражданство США. На первом этапе использовался ассоциативный эксперимент, заключающийся в выявлении реакций в ответ на стимул «жизнеспособный человек». На следующем этапе применялся метод субъективного шкалирования. Результаты были обработаны посредством факторного анализа с использованием пакета Statistica 15.0. **Результаты.** Выявлены различные факторные структуры ментальных репрезентаций жизнеспособного человека. **Заключение.** В ходе исследования было выявлено, что обыденные представления о жизнеспособном человеке у респондентов, проживающих в Российской Федерации, Республике Казахстан и Соединенных Штатах Америки, имеют черты сходства и различия. Все опрошенные ассоциируют высокую жизнеспособность с наличием жизненного смысла, оптимизма и жизнелюбия; отмечают высокую значимость целеустремленности, адаптивности, саморазвития и личного роста. Факторная структура имплицитных представлений российских студентов воспроизвела результаты проведенной ранее факторизации имплицитных представлений о жизнеспособном человеке у взрослых россиян. Выраженные кросскультурные различия отмечены в ассоциациях, касающихся семьи. Эти ассоциации значимы для студентов из Казахстана и Америки, но не попадают в зону значимости у россиян. У американской молодежи семья воспринимается как «то, что помогает нашей жизнеспособности». У студентов казахской национальности жизнеспособность ассоциирована с умением создать и содержать семью, оправдать надежду родителей. В представлениях казахских студентов главным для сохранения жизнеспособности является наличие цели и смысла жизни, оптимизм, человечность, вера в Бога (Аллаха), служение ему, смирение («не быть гордым»). Для россиян и американцев более значимыми в контексте поддержания жизнеспособности являются ценности собственной гордости, чувства собственного достоинства. У американцев жизнеспособность определяется силой, выносливостью. Российские студенты убеждены, что быть жизнеспособным человеку помогает, прежде всего, его целеустремленность, самостоятельность, ум, способность хорошо адаптироваться и успешность.

Ключевые слова: жизнеспособность человека, имплицитные представления, этнокультурные различия, ассоциативный эксперимент, метод семантических универсалий, факторный анализ.

Введение

Кросскультурные исследования жизнеспособности человека генетически связаны с изучением феномена так называемой культурной сопротивляемости, которую проявлял мифический американский герой, описанный

пастором из Алжира еще в XIX веке. Сирота-подросток должен был самостоятельно выживать в сложных условиях мегаполиса, не получая никакой поддержки извне. Жизнеспособность (сопротивляемость) в этом контексте связывалась с индивидуальными ресурса-

ми самого героя, с верой и надеждой только на самого себя. Победа героя-одиночки над всеми трудностями бытия знаменовала собой воинствующий индивидуализм, характерный для американского общества. Эта модель жизнеспособности не устраивала многих исследователей. Как утверждал Ж.К. Ионеску, понятие сопротивляемости никак не может быть сведено к примитивному представлению о всесильности личностного индивидуализма. Защищая тезис об универсальности сопротивляемости, он тем не менее соглашается с тем фактом, что культура делает свой вклад в развитие сопротивляемости, ее ресурсы и способы выражения (Ionescu, 2008).

В русле такого понимания жизнеспособности оказываются многие другие зарубежные исследования. М. Holaday, R. McPhearson (2011), изучавшие сопротивляемость лиц, переживших тяжелые ожоги, выявили, что на адаптационные возможности пострадавших значительное влияние оказывают принадлежность к определенной расе, полу и особенно религиозных убеждений.

Интерес представляет сравнительное исследование особенностей развития и формирования сопротивляемости детей родителями, проживающими в Судане, Намибии и Армении. Относительное отсутствие выражения любви и сочувствия в Судане при решении проблемы позволило предположить авторам, что в этих семьях эмоциональная привязанность выражена в меньшей степени, нежели в семьях, проживающих в других странах. Кроме того, было выявлено, что дети в Судане и Намибии в основном решали свои проблемы, обращаясь за помощью вне семьи, тогда как в Армении взаимодействие между родителями и детьми продолжалось в течение всего времени решения проблемы (Grotberg, 1997).

О роли семьи и общества в развитии социальных и когнитивных навыков американских и английских подростков, составляющих основу сопротивляемости, говорится в работе R.A. Thompson et al. (2006). Безоговорочное принятие ребенка со стороны семьи, поддержка малых групп, к которым принадлежит подросток, а также школы и общества в целом является, по ее мнению, ключевым фактором в развитии и формировании устойчивости и сопротивляемости. Более того, автор рассматривает возможность изменения структуры современной американской и британской школьной системы как не отвечающей на сегодняшний день в пол-

ной мере задачам, направленным на решение острых социальных молодежных проблем, и не обладающей ресурсами для поддержки и развития сопротивляемости детей и подростков (Thompson et al., 2006).

В Южной Африке, особенно на территориях, удаленных от городских агломераций, жизнеспособность и сопротивляемость связывают с высочайшими приоритетами образования в жизни. В течение длительного исторического периода здесь сложилось отношение к школе не только как к учреждению, где можно получить бесплатное образование, но и как к средоточию культуры и даже медицинских услуг (Theron L.C. et al., 2014).

Психологи Университета Манчестер (Великобритания) на примере исследования ситуации с психологической устойчивостью детской популяции Гватемалы (беднейшей страны Центральной Америки, где 60 % населения живут в нищете) показали, что мощным защитным фактором и предиктором психологической устойчивости перед лицом жизненных трудностей для учащегося является его ощущение причастности к школьной среде (Oldfield et al., 2018).

Совместные разработки психологов Австралии и Сингапура (университет Тасмания и университет Сингапур) показали, что профессиональная компетенция медсестры требует также развитой способности к «emotional intelligence», то есть динамичной ответной реакции эмоциональной сферы на обстоятельства места и действия (Oshio et al., 2018).

Российский опыт в изучении кросскультурной специфики проявления и развития жизнеспособности оказывается менее представительным и скорее описательно-аналитическим. В своей работе Л.А. Гаязова (2011) выдвинула предположение о том, что в числе ресурсов личности, обеспечивающих ее способность к совладанию с трудными и кризисными ситуациями и возможность восстанавливаться и использовать приобретенный опыт в дальнейшем, можно выделить ресурсы, обладающие культурной спецификой и формируемые только в определенном сообществе. Для проверки данного предположения была сделана попытка решить ряд задач, в число которых вошел анализ исследований, посвященных выявлению общих, универсальных и специфических ресурсов, обусловленных культурными особенностями, а также анализ и сравнение некоторых описанных в психологических исследованиях примеров

ресурсов сопротивляемости, существующих в ряде культур.

Итогом исследования явились выводы о том, что особенности культуры сообщества, в котором развивается ребенок, закладывают особые, отличные от ресурсов иного культурного контекста, возможности совладания с трудными и кризисными ситуациями, хотя значительная часть ресурсов сопротивляемости, такие как, например, переживание чувства защищенности, любовь и принятие семьи, являются универсальными. Семья обладает наиболее сильным и значимым для ребенка ресурсным потенциалом, который тесно взаимосвязан с культурными традициями общества, представителями которого являются члены семьи. Существует возможность трансляции опыта развития и формирования сопротивляемости, характерного для определенной культуры; но только с учетом рисков, связанных с возникновением конфликтов между ценностями и нормами, существующими в разных сообществах (Гаязова, 2011).

В другой теоретической статье проанализирован англоязычный публикационный массив по проблеме психологической устойчивости учащихся за 2014–2018 гг. В работе Н.В. Савицкой с соавторами (2018) отмечается усиление вектора междисциплинарного кросс-культурного векторов изучения конструкта устойчивости.

Известно, что в ходе проведения кросс-культурных исследований нередко существуют серьезные несоответствия между различными исследовательскими парадигмами и формами генерирования знаний, присущих различным этническим моделям познания и традициям национальных эвристических практик. Как следствие, возникают серьезные проблемы, связанные с адаптацией методов исследования к различным культурам, обеспечения надежности и валидности психодиагностических инструментов и разрешения эпистемологических и методологических противоречий.

С целью минимизации негативного влияния этих проблем на успешность кросс-культурных исследований жизнеспособности в 2003–2005 гг. в рамках международного проекта по исследованию жизнеспособности подростков и молодежи был создан «Тест жизнеспособности детей и подростков» (Child and Youth Resilience Measure, CYRM). Международной группой экспертов, в которую входили и российские участники (А.В. Махнач, А.И.

Лактионова, М. Ungar), был проведен анализ факторов риска и защитных факторов, оценена жизнеспособность более 1500 подростков и молодых людей в 13 странах (Makhnach et al., 2005). Тест был адаптирован на выборках российских подростков и молодежи: подростках – учащихся старших классов, подростках из школ для детей с девиантными формами поведения, подростках-сиротах, студентах первого курса университета.

Кроме теста проводились также специальные двухчасовые интервью, позволяющие получить более глубокие качественные характеристики поведения испытуемых, подвергавшихся, как минимум, следующим основным факторам риска: бедность, неудовлетворительные межличностные отношения в семье, военные действия, наличие родителей с психическими заболеваниями. Участники исследования были разделены на две группы: жизнеспособные (успешно функционирующие, адаптированные) и нежизнеспособные (плохо функционирующие, неадаптированные).

Исследование позволило выявить целый ряд общих, независимых от национально-культурной специфики факторов, определяющих более высокую жизнеспособность подростков: социальная поддержка и внимание со стороны родителей; хорошие семейные традиции; вера в себя, в собственные силы и возможности, внутренний локус контроля; вовлеченность в общественные дела и высокая познавательная активность; доступ к материальным ресурсам, наличие еды, одежды, крыши над головой; духовное мироощущение, вера в Бога; идентичность и целостность, ощущение принадлежности к социальной общности. Вместе с тем были отмечены и весьма специфические модели поддержания собственной жизнеспособности у различных испытуемых, что позволило М. Унгару, одному из руководителей проекта, подтвердить вывод: «Жизнеспособность имеет как универсальные, так и опосредованные аспекты» (Унгар, 2016).

Между тем возникают отнюдь не праздные вопросы, касающиеся не только содержания этих опосредованных аспектов, но и внутренних механизмов такого опосредования, в результате которого мы получаем различные специфически выстроенные культуральные модели реализации жизнеспособности. Известно, что еще в 1926 г. в книге «Педагогическая психология» Л.С. Выготский

писал о том, что главной фигурой воспитания является сам ребенок, а единственным воспитателем, способным образовать новые реакции в организме, является собственный опыт организма. Исходя из этого тезиса, воспитание должно быть организовано так, чтобы не ученика воспитывали, а ученик воспитывался сам (Выготский, 1999).

Таким образом, не пресловутая социальная среда формирует определенные стратегии поддержания и развития жизнеспособности, их творчески конструирует сам человек, опираясь на имеющийся у него опыт бытия и собственное сознание.

Кросскультурная специфика развития и поддержания жизнеспособности зависит в том числе и от тех ментальных представлений о ней, которые присущи разным этносам и культурам, а способом познания этой специфики может служить изучение имплицитных представлений человека о собственной жизнеспособности, тех ментальных репрезентаций, в которых представлена сложившаяся у человека картина мира, социума и самого себя (Vascoe et al., 2009).

Сама по себе модель изучения рефлексивных репрезентаций различных психических явлений не является новой для психологии. К ней нередко обращаются, когда ограничены возможности исследования самого оригинала (Кубрякова с соавт., 2007).

Идея изучения обыденных представлений о жизнеспособности человека в кросскультурном контексте представляется новой и интересной в плане выявления внутренних механизмов формирования тех или иных стратегий поддержания жизнеспособности. Формируя такие индивидуально своеобразные и культурно обусловленные стратегии бытия, человек руководствуется теми репрезентациями конкретных жизненных ситуаций, которые уже сформировались в его сознании под влиянием всех предыдущих воздействий. Причем, как убедительно показывают в своем исследовании А.О. Прохоров и Е.М. Алексеева, «образ каждой ситуации, занимая определенное место в субъективной картине мира, ассоциирован с определенными психическими состояниями. Ассоциативное (как эксплицитное, так и имплицитное) единство психического состояния и ситуации формируется, закрепляясь в процессе жизнедеятельности, что отражает накопленный субъективный опыт» (Прохоров с соавт., 2017). Следовательно, можно полагать, что психические со-

стояния положительной модальности, ассоциированной с определенными жизненными ситуациями, со способами реагирования на них субъектов и с полученными результатами с учетом этнокультурной специфики, создают более продуктивную базу для закрепления соответствующих жизненных стратегий.

Наиболее информативным возрастным периодом для изучения жизнеспособности человека, как отмечалось ранее (Рыльская, 2013), является этап взрослости. Жизнеспособность – это сложная интегральная способность, формирование которой условно завершается к началу зрелого онтогенеза, а дальнейшее ее развитие как саморазвивающейся, открытой, эмерджентной системы связано с внутренними количественно-качественными трансформациями взаимосвязанных компонентов. Что касается исследования ментальных репрезентаций жизнеспособного человека, то более интересным оно может оказаться не для взрослых людей, а для «юношей, только обдумывающих житие» (выражаясь словами известного поэта), поэтому именно этот возрастной период, предшествующий «зрелой» жизнеспособности, может представлять большую эвристическую ценность.

Вышесказанное определяет актуальность, специфику выборки и *цель* данного исследования, заключающуюся в выявлении кросскультурных различий в имплицитных представлениях о жизнеспособности человека.

Материалы и методы

Для достижения цели исследования использовались методы ассоциативного эксперимента и субъективного шкалирования. Исследование проводилось в период с 2015 по 2019 годы на двух независимых выборках и включало несколько этапов. Общая выборка первого этапа исследования составила 900 человек в возрасте от 17 до 24 лет, в том числе: 310 представителей казахской национальности, проживающих в Республике Казахстан и обучающихся в Костанайском государственном университете им. А. Байтурсынова (200 девушек и 110 юношей); 320 граждан Российской Федерации – студенты Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета), Челябинского государственного университета, Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (280 де-

вушек и 140 юношей); 270 человек, имеющих гражданство США, – учащиеся чартерной школы для взрослых в г. Лос-Анджелес (130 мужчин, 140 девушек). На этом этапе испытуемым предлагалось записать как можно больше ассоциаций, возникающих в ответ на стимул «жизнеспособный человек». Получившийся объемный массив разнообразных ассоциаций (95 единиц) был обработан при помощи хорошо зарекомендовавшего себя метода семантических универсалий (Серкин, 2000). Семантическая универсалия (как свидетельство неслучайности репрезентации того или иного семантического признака в сознании) определялась на основе изначально установленного критерия значимости, соответствующего 75 % встречаемости ассоциации в ответах респондентов (Артемьева, 1999).

На следующем этапе применялся метод субъективного шкалирования, при котором группа испытуемых–экспертов (выборка № 2) оценивала степень близости понятия–стимула и ассоциаций (оставшихся после обработки по методу семантических универсалий) по шкале от 0 (низшая степень семантического сходства) до пяти (высшая степень семантического сходства). Выборку экспертов составили 450 человек в возрасте от 18 до 26 лет, включая 160 представителей казахской национальности, 150 россиян и 140 американцев.

Полученная матрица объектов была под-

вергнута факторному анализу по методу максимального правдоподобия с Варимакс-вращением и нормализацией Кайзера. Статистическая обработка осуществлялась посредством программы Statistica v. 15,0.

Результаты

В ходе ассоциативного эксперимента в выборках граждан Казахстана, России и США были получены три качественно и количественно различных набора ассоциаций, обработка которых с использованием метода семантических универсалий позволила сократить их количество до 21. Посредством дальнейшей факторизации ассоциаций выявлены различные структуры ментальных репрезентаций жизнеспособного человека. Факторная структура имплицитных представлений о жизнеспособном человеке в выборке граждан казахской национальности представлена в табл. 1.

Полученное пятифакторное решение можно считать удовлетворительным, поскольку процент накопленной дисперсии составляет 75,9 %.

В ходе факторизации результатов исследования имплицитных представлений о жизнеспособном человеке в выборке граждан России оптимальным оказался вариант с выделением четырех факторов с накопленной дисперсией 67,3 % (табл. 2).

Таблица 1
Table 1

Факторная структура имплицитных представлений о жизнеспособном человеке в выборке граждан казахской национальности
Factor structure of implicit representations about a viable person in the sample from Kazakhstan

Переменные / Variables	Факторы и их нагрузки / Factors and their loads				
	1	2	3	4	5
Иметь цель и смысл жизни / Have the meaning of life	0,929				
Любить, ценить жизнь, иметь страсть к жизни / Love and value one's life, have passion for life	0,910				
Оптимистичный / Optimistic	0,824				
Прожить жизнь с радостью и грустью одновременно / Live life with joy and sadness at the same time	0,722				
Счастливый / Happy	0,691				
Жизнь в своих руках, способен изменить жизнь / Hold one's life in one's own hands, change one's life	0,603				
Делать добро, быть человечным / Do good and be human		0,820			
Уметь жить в обществе / Able to live in society		0,815			
Жить, не испытывая угрызений совести перед Богом / Live without remorse before God		0,634			
Духовное богатство / Spiritual wealth		0,621			
Создать и содержать семью / Create and maintain family		0,596			

Окончание табл. 1
Table 1 (end)

Переменные / Variables	Факторы и их нагрузки / Factors and their loads				
	1	2	3	4	5
Оправдать надежду родителей, помогать родителям / Meet parents' hopes, help parents		0,499			
Иметь развитый ум, сознание / Have a developed mind, consciousness			0,747		
Образованный, желающий знать больше / Educated, willing to know more			0,685		
Саморазвитие, постоянно развивающий себя / Continuous self-development			0,534		
Сохраняющий самообладание / Self-restraint			0,441		
Приспособленный к жизни / Adapted to life				0,760	
Умеющий находить выход из трудных ситуаций / Able to find a way out of difficulties				0,542	
Экологически чистый, уважающий окружающую среду / Eco-friendly				0,539	
Здоровый, в здоровом теле здоровый дух / Healthy, a sound mind is in a sound body					0,608
Выживает сильнейший / The strongest survives					0,434
Накопленная дисперсия (%) / Accumulated dispersion (%)	28,98	20,31	12,68	8,45	5,48

Таблица 2
Table 2

Факторная структура имплицитных представлений о жизнеспособном человеке в выборке граждан России
Factor structure of implicit representations about a viable person in the sample from Russia

Переменные / Variables	Факторы и их нагрузки / Factors and their loads			
	1	2	3	4
Целеустремленный / Determined	0,865			
Самостоятельный / Independent	0,779			
Умный / Smart	0,739			
Успешный / Successful	0,739			
Стрессоустойчивый / Stress-resistant	0,699			
Продуктивный / Efficient	0,623			
Организованный / Organized	0,582			
Рассудительный / Wise	0,576			
Опытный / Experienced	0,468			
Всегдадвигающийся вперед / Always moving forward		0,631		
Креативный / Creative		0,486		
Находчивый / Resourceful		0,483		
Образованный / Educated		0,418		
Изобретательный / Inventive		0,360		
Коммуникабельный / Sociable		0,352		
Адаптивный / Adaptive			0,711	
Выносливый, выживающий в неблагоприятных экологических условиях / Hardy			0,694	
Активный / Active			0,539	
Знающий, для чего живет / Realizing the goal of life				0,534
Альтруистичный, помогающий другим / Altruistic				0,432
Жизнерадостный, оптимистичный / Cheerful, optimistic				0,330
Накопленная дисперсия (%) / Accumulated dispersion (%)	21,14	19,96	14,68	9,45

Социальная психология

ИмPLICITНЫЕ представления о жизнеспособном человеке у американских учащихся по количеству факторов совпали с решением, полученным на выборке студентов из Казахстана. Процент накопленной дисперсии также оказался удовлетворительным – 65,2 %. Соответствующая факторная матрица представлена в табл. 3.

Фактор с максимальной накопленной дисперсией и самым многочисленным числом включенных переменных в выборке американ-

ских студентов оказался семантически настолько разнородным, а разница между факторными весами довольно незначительной, что традиционная практика наименования фактора по названию переменной с максимальной нагрузкой представилась недостаточно корректной.

Содержательный анализ переменных позволил заметить, что, по сути, имеющийся набор соответствует наиболее часто встречающимся разноуровневым компонентам жизнеспособности, выявленным в ходе раз-

Таблица 3
Table 3

Факторная структура имPLICITНЫХ представлений о жизнеспособном человеке в выборке граждан США
Factor structure of implicit representations about a viable person in the sample from the USA

Переменные / Variables	Факторы и их нагрузки / Factors and their loads				
	1	2	3	4	5
«Эксплицитная жизнеспособность» / “Explicit viability”					
Извлекать уроки / Learn lessons	0,929				
Не оставаться в стороне / Do not stay away	0,910				
Уважающий других, чуткий / Respectful, sensitive	0,863				
Оправиться после ударов, подняться / Cope with difficulties	0,684				
Моя семья / My family	0,853				
Воля / Will	0,815				
Оптимизм / Optimism	0,694				
Трезвый, реалистичный, практичный / Realistic, practical	0,863				
Гибкий / Flexible	0,669				
Может излечиться от тяжелой болезни, от рака / Can recovery from severe disease (cancer)	0,532				
Здоровый, сильное тело / Healthy and strong body	0,621				
Адаптируемый / Adaptable	0,555				
Сопротивление, преодоление / Resistance, overcoming		0,764			
Сильный, прочный, мужественный, крутой / Strong, reliable, courageous, cool		0,428			
Не сдаваться / Do not give up		0,425			
«Трудолюбие, личностный рост» / “Diligence and personal growth”					
Трудолюбивый, умеющий работать хорошо / Hard-working, able to work well			0,785		
Личностный рост, двигаться дальше / Personal growth, able to move on			0,647		
«Амбициозность и целеустремленность» / “Ambition and determination”					
Амбициозный / Ambitious				0,785	
Целеустремленность / Determined				0,542	
«Блистательность и гордость» / “Brilliance and pride”					
Оставаться блистательным / Stay brilliant					0,608
Высоко держать голову / Hold head high					0,524
Накопленная дисперсия (%) / Accumulated dispersion (%)	33,14	12,66	11,68	10,45	7,48

личных эмпирических исследований и существующим эксплицитно. Исходя из этого, предполагается возможным обозначить этот фактор как «эксплицитная жизнеспособность». В остальных случаях использовалась традиционная схема наименования факторов.

Обсуждение

Анализ полученных результатов позволяет заметить следующее. Обыденные представления о жизнеспособном человеке у респондентов, проживающих в Российской Федерации, Республике Казахстан и Соединенных Штатах Америки, имеют черты сходства и различия. В первом случае можно говорить о сходстве определенных факторов и переменных, которые ментально репрезентируются как значимые для поддержания человеческой жизнеспособности. Это семантически сходные факторы «жизнелюбие и смысл жизни» в казахской выборке и «духовность и смысл» в российской выборке. Опрошенные студенты сходным образом ассоциируют высокую жизнеспособность с наличием смысла жизни, что и оправдывает название фактора. У представителей Казахстана духовная составляющая включает более объемный набор переменных, образующих самостоятельный фактор «делать добро, быть человечным», в котором взаимосвязанными оказываются: умение жить в обществе; жить, не испытывая угрызений совести перед Богом; духовное богатство; создание и содержание семьи; помощь родителям. Что касается американской выборки, то можно отметить, что духовно-нравственный компонент жизнеспособности также является значимым, хотя и не образует самостоятельного фактора. Об этом свидетельствует высокий вес переменной «уважающий других, чуткий» (0,863) и ассоциация жизнеспособности с невозможностью «оставаться в стороне» (0,910), если интерпретировать ее как «не проходить мимо чужой беды» (хотя возможна и другая интерпретация – быть активным, вовлеченным во все происходящее). Во втором случае духовно-нравственная составляющая выражена в меньшей степени.

К чертам сходства ментальных репрезентаций представителей всех групп относится высокая значимость целеустремленности, оптимизма, адаптивности, саморазвития и личностного роста.

В целом, несмотря на разное количество факторов, можно отметить большую содержательную близость факторных структур, полученных на российской и казахской выборке. Как уже отмечалось выше, семантически сходными оказались факторы: «жизнелюбие и смысл жизни» – «духовность и смысл» – «духовность и социальная поддержка»; «интеллект, саморазвитие, самообладание» – «всегдадвигающийся вперед»; «адаптированность» – «адаптивный». Общей является также высокая значимость экологических аспектов жизни человека («экологически чистый, уважающий окружающую среду», «выносливый», «выживающий в неблагоприятных экологических условиях»), что, по-видимому, связано с региональными особенностями.

Следует также заметить, что факторная структура имплицитных представлений российских студентов оказалась воспроизводимой и в основном повторила результаты проведенной ранее факторизации имплицитных представлений взрослых о жизнеспособном человеке (Рыльская, 2013). Совпало количество факторов, похожими оказались наполнение факторов переменными и соответствующие им наименования. Различие касалось лишь значимости факторов. В выборке взрослых россиян наиболее значимым оказался фактор «осознанное жизнелюбие» (% от накопленной дисперсии), в выборке студентов роль фактора «духовность и смысл» значительно ниже (% от накопленной дисперсии), что неудивительно, если учесть, что именно на период зрелости приходятся наиболее активные и напряженные размышления, связанные с поиском ответов на основные смысложизненные вопросы.

Что касается этнокультурных различий в имплицитных представлениях о жизнеспособном человеке, то они довольно разноплановы и включают как общие закономерности, так и частные случаи. Прежде всего можно обнаружить большее семантическое единство каждого из факторов, выявленных на выборке граждан России и Казахстана. Взаимосвязи переменных, «нагружающих» факторы, как бы лежат на поверхности и довольно легко интерпретируются, потому что подчиняются простой логике. Например, фактор «самоуправление и саморегуляция», включающие переменные: «целеустремленный», «самостоятельный», «умный», «успешный», «стрессоустойчивый», «продуктивный», «организованный», «рассудитель-

ный», «опытный» (российская выборка) или фактор «адаптированность», содержащий переменные «приспособленный к жизни», «экологически чистый, заботящийся об окружающей среде», «умеющий находить выход из трудных ситуаций».

Факторы, полученные на выборке американских граждан, интерпретировать оказалось сложнее. Особенно это касается самого информативного из них, включающего 12 разнообразных переменных, которые оказалось довольно трудно связать между собой (извлекать уроки; не оставаться в стороне; уважающий других, чуткий; оправиться после ударов, подняться; моя семья; оптимизм; трезвый, реалистичный, практичный; гибкий; может излечиться от тяжелой болезни, от рака; здоровый, сильное тело; адаптируемый). Выявленные особенности могут свидетельствовать о большей разрозненности, несистемности ментальных репрезентаций американских студентов по сравнению с российскими и казахстанскими.

Выраженные кросскультурные различия отмечены также в ассоциациях, касающихся семьи. Эти ассоциации значимы для студентов из Казахстана и Америки, но, к глубокому сожалению, не попадают в зону значимости у россиян. Самый высокий вес переменной «моя семья» отмечается у американской молодежи (0,853), однако семья интерпретируется в основном как фактор, помогающий выживать, переносить трудности, т. е. в контексте социальной поддержки, необходимой самим испытуемым («*семья – это то, что помогает нашей жизнеспособности*»). Этот нюанс у американской молодежи действует в унисон с общей закономерностью, выявленной в ассоциациях с жизнеспособным человеком. Американцы в большей степени, чем другие респонденты, «преломили» проводившийся ассоциативный эксперимент через самих себя, через собственное «Эго». В 80 % их ассоциативных рядов присутствует личное местоимение «Я»: «*Я могу сказать, что я жизнеспособный, потому что...*»; «*Я жизнеспособен, если...*».

Коннотация восприятия семьи у студентов казахской национальности несколько иная. Жизнеспособность ассоциирована с умением создать и содержать семью, оправдать надежду родителей, помогать родителям, что, в общем, несложно объяснить, исходя их одной важной особенности менталитета казахского народа, который с раннего детства всегда прививал

своим детям глубокое уважение к старшим (Узакова с соавт., 2014).

В представлениях казахских студентов главным для сохранения жизнеспособности является наличие цели и смысла жизни, оптимизм и человечность. В их сознании жизнеспособность человека тесно связана с верой в Бога (Аллаха), со служением ему, с жизнью по божьим заповедям («*жить не испытывая угрызений совести перед Богом*»), со смирением («*не быть гордым*»), чего не отмечено в ассоциациях россиян и американцев. Для последних более значимыми в контексте поддержания жизнеспособности являются ценности собственной гордости, чувства собственного достоинства («*высоко держать голову*»), успеха («*оставаться блистательным*»), карьерных устремлений и самореализации («*амбициозный*»). У американцев жизнеспособность определяется силой, выносливостью, в рядах ассоциаций часто встречаются такие, как «*оправиться после ударов*», «*всегда подниматься*», «*воля*», «*сильное тело*», «*сильный*», «*мужественный*», «*прочный*», «*крутой*», «*сопротивление*», «*преодоление*», «*не сдаваться*».

Таким образом, в представлениях американских студентов они жизнеспособны, если успешны, уверены в своей силе, и все люди вокруг думают, что у них все замечательно. При этом они активно вовлечены во все происходящее и умеют главное – учиться на ошибках и извлекать уроки из своего прошлого опыта. Российские студенты убеждены, что быть жизнеспособным человеку помогает прежде всего его целеустремленность, самостоятельность, ум, способность хорошо адаптироваться и успешность.

Несмотря на то, что все испытуемые получили одинаковую инструкцию (записать слова, фразы, которые ассоциируются (связаны по смыслу) с понятием «жизнеспособный человек»), респонденты из Казахстана, в отличие от российских и американских респондентов, были более склонны высказывать оригинальные, образные суждения: «*Человек, способный жить – это влюбленная душа*»; «*чтобы быть жизнеспособным надо понять, жизнь – это не кино, и ничего не будет, как в кино*»; «*после рождения все люди должны быть счастливыми*», «*в жизни есть человек, который живет просто так, и есть человек, который использует все возможности для жизни*». Эта же выборка была ориентирована на построение развернутых высказываний и рассуждений, напоминающих мини-эссе:

✓ «Человек, способный жить, – это человек, который стремится к жизни. Жизнеспособный человек всегда имеет хорошие отношения с другими людьми и вспоминает только радостные дни своей жизни. Чтобы быть жизнеспособным человеком, нужно много учиться, с интересом смотреть на жизнь, поставить перед собой цель и на пути к ней много трудиться. Каждый день нужно проводить с радостью, не допуская уныния. Быть счастливым – значит быть жизнеспособным! Все в твоих руках».

✓ «Быть жизнеспособным, т. е. жить – это строить взаимоотношения с людьми, творить добро, создать семью, оставить потомство, поклоняться Всевышнему, отдыхать, работать. А существовать – это быть в поисках хлеба, чтобы не умереть».

✓ «Жизнеспособный человек – это тот человек, который может прожить свою жизнь с радостью и грустью одновременно. Он знает, для чего живет, имеет смысл жизни. Надо сказать, что не все имеют смысл жизни; те, кто его не имеет, не боятся умереть, а это очень плохо, потому что жизнь – дар Бога. Жизнеспособный человек имеет характер. Он может смеяться, улыбаться и любить!»

✓ «Жизнеспособный человек – человек, умеющий жить. Ставить и достигать цели, осуществить задуманное. Умение изменить свою жизнь от худшего к лучшему. Обладание фундаментальными знаниями. Умение полноценно мыслить. Любить!»

✓ «Человек, способный жить, – это человек, который ставит перед собой цели и достигает их, несмотря ни на что. Он сам планирует свою жизнь не только на сегодня, но и на будущее. Человеку жизнь дается один раз, поэтому жить нужно только с добрыми мыслями».

Многие американские студенты в ходе ассоциативного эксперимента тоже продуцировали развернутые суждения-ассоциации, специфической особенностью которых являлся их персонифицированный и иногда назидательный характер:

✓ «Некоторые вещи в моей жизни создавали серьезные препятствия. Иногда я позволяла этим вещам влиять на ход моей жизни, но со временем я поняла, что могу преодолеть все, независимо от того, что встало на моем пути. Я – жизнеспособный человек».

✓ «Я как жизнеспособный человек способен оправиться и приспособиться к жизни после потерь, несчастий и перемен: после болезни, смерти близких, после переезда в другой город или другую страну, после ограбления».

✓ «Я жизнеспособный, потому что хожу в школу каждый день!»

✓ «В жизни ты просто обязан быть жизнеспособным. Ты должен всегда выражать свое мнение и не оставаться в стороне. Жизнь жестока и не прощает ошибок, она беспрестанно испытывает тебя, но ты должен оставаться блистательным и высоко держать голову. Не разочаровывайся, оставайся амбициозным и ты преуспеешь! Ты не можешь разрушить свою жизнь, так как жизнь является восхитительной штукой. Жизнь не станет легче, зато ты станешь сильнее и жизнеспособнее».

✓ «Я могу сказать, что я жизнеспособный человек, на основании того, что я преодолел так много плохого в своей жизни».

Заключение

Аналитические и эмпирические исследования свидетельствуют, что жизнеспособность имеет как универсальные, так и опосредованные культурой аспекты. Кросскультурная специфика проявлений жизнеспособности может быть связана, в том числе, с ментальными представлениями о ней, которые присущи разным этносам и культурам.

Обыденные представления о жизнеспособном человеке у респондентов, проживающих в Российской Федерации, Республике Казахстан и Соединенных Штатах Америки, имеют черты сходства и различия. Семантически похожи факторы «жизнелюбие и смысл жизни» в казахской выборке и «духовность и смысл» в российской выборке. Опрошенные студенты одинаково связывают высокую жизнеспособность с наличием жизненного смысла, оптимизма и жизнелюбия, целеустремленности, адаптивности, саморазвития и личностного роста.

Отмечена большая содержательная близость факторных структур, полученных на российской и казахской выборках. Общей является также высокая значимость экологических аспектов жизни человека («экологически чистый, уважающий окружающую среду», «выносливый, «выживающий в неблагоприятных экологических условиях»), что, по-

видимому, связано с региональными особенностями.

Следует также заметить, что факторная структура имплицитных представлений российских студентов воспроизвела результаты проведенной ранее факторизации имплицитных представлений взрослых о жизнеспособном человеке.

Выраженные кросскультурные различия выявлены в ассоциациях, касающихся семьи. Эти ассоциации значимы для студентов из Казахстана и Америки, но не попадают в зону значимости у россиян. Самый высокий вес переменной «моя семья» отмечается у американской молодежи (0,853), однако семья интерпретируется в основном как фактор, помогающий выживать самому. Коннотация восприятия семьи у студентов казахской национальности ассоциирована с умением создать и содержать семью, оправдать надежду родителей.

В представлениях казахских студентов главным для сохранения жизнеспособности является наличие цели и смысла жизни, оптимизм и человечность. В их сознании жизнеспособность человека тесно связана с верой в Бога (Аллаха), со служением ему, чего не отмечено в ассоциациях россиян и американцев. Для последних более значимыми в контексте поддержания жизнеспособности являются ценности собственной гордости, чувства собственного достоинства. У американцев жизнеспособность определяется силой, выносливостью.

Российские студенты убеждены, что быть жизнеспособным человеку помогает прежде всего его целеустремленность, самостоятельность, ум, способность хорошо адаптироваться и успешность.

Несмотря на то, что все испытуемые получали одинаковую инструкцию (записать слова, фразы, которые ассоциируются (связаны по смыслу) с понятием «жизнеспособный человек»), респонденты из Казахстана, в отличие от российских и американских респондентов, были более склонны высказывать оригинальные, образные суждения.

Многие американские студенты в ходе ассоциативного эксперимента тоже продуцировали развернутые суждения-ассоциации, специфической особенностью которых являлся их персонифицированный, и иногда назидательный характер.

Литература

1. Артемьева, Е.Ю. *Основы психологии субъективной семантики* / Е.Ю. Артемьева; под ред. И.Б. Ханиной. – М.: Наука, Смысл, 1999. – 350 с.
2. Выготский, Л.С. *Педагогическая психология* / Л.С. Выготский; под ред. В.В. Давыдова. – М.: Педагогика-Пресс, 1999. – 536 с.
3. Гаязова, Л.А. *Кросс-культурные исследования ресурсов сопротивляемости в детском возрасте* / Л.А. Гаязова // *Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена*. – 2011. – № 139. – С. 35–41.
4. Кубрякова, Е.С. *К проблеме ментальных репрезентаций* / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков // *Вопросы когнитивной лингвистики*. – 2007. – № 4. – С. 8–16.
5. Прохоров, А.О. *Имплицитная ассоциативная составляющая ментальных репрезентаций психических состояний* / А.О. Прохоров, Е.М. Алексеева // *Сибирский психологический журнал*. – 2017. – № 63. – С. 36–48. DOI: 10.17223/17267080/63/3
6. Рьльская, Е.А. *Психологическая концепция жизнеспособности человека* / Е.А. Рьльская. – Челябинск: Изд-во «Полиграф-Мастер», 2013. – 336 с.
7. Савицкая, Н.В. *Психологическая неустойчивость как причина неуспешности школьников* / Н.В. Савицкая, О.А. Круковская, Т.В. Иволина, О.В. Дедова // *Современная зарубежная психология*. – 2018. – Т. 8, № 1. – С. 64–75. DOI: 10.17759/jmfp.2019080107
8. Серкин, В.П. *О возможностях метода семантических универсалий Е.Ю. Артемьевой* / В.П. Серкин // *Вестник МГУ. Серия 14. Психология*. – 2000. – № 4. – С. 74–79.
9. Узакова, С.А. *Влияние национального менталитета казахов на формирование (конструирование) семейных ценностей* / С.А. Узакова, М.Т. Шергалиева // *Молодой ученый*. – 2014. – № 15. – С. 369–371.
10. Унгар, М. *Ситуационные и культурные аспекты жизнеспособности брошенных и подвергшихся жестокому обращению детей* / *Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты* / отв. ред. А.В. Махнач, Л.Г. Дикая. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. – С. 377–394.
11. Bascoe, S.M., *Children's representations of family relationships, peer information processing, and school adjustment* / S.M. Bascoe,

P.T. Davies, M.L. Sturge-Apple, E.M. Cummings // *Dev. Psychol.* – 2009. – Vol. 45, № 6. – P. 1740–1751.

12. Grotberg, E. *The international resilience research project [e-book]* / E. Grotberg. – Ipswich: ERIC, 1997.

13. Holaday, M. *Resilience and severe burns* / M. Holaday, R. McPhearson // *Journal of Counseling & Development.* – 1997. – Vol. 75 (5). – P. 346–356.

14. Ionescu, S. *Культурная сопротивляемость* // *Мир науки, культуры, образования.* – 2008. – № 3 (10). – С. 74–76.

15. Makhnash, A.V. *Social and cultural roots of Russian youth resilience: Interventions by the state, society, and the family* / A.V. Makhnash, A.I. Laktionova // *Handbook for working with children and youth. Pathways to resilience across cultures and contexts* / M. Ungar (Ed.). – Thousand Oaks-L.-New Delhi: Sage Publications, Inc., 2005. – P. 371–386.

16. Oldfield, J. *Promoting or suppressing*

resilience to mental health outcomes in at risk young people: The role of parental and peer attachment and school connectedness / J. Oldfield, A. Stevenson, E. Ortiz, B. Haley // *Journal of Adolescence.* – 2018. – Vol. 64. – P. 13–22. DOI: 10.1016/j.adolescence.2018.01.002

17. Oshio, A. *Resilience and Big Five personality traits: A meta-analysis* / A. Oshio, K. Taku, M. Hirano, G. Saeed // *Personality and individual differences.* – 2018. – Vol. 127. – P. 54–60. DOI: 10.1016/j.paid.2018.01.048

18. Theron, L.C. *Education services and resilience processes: Resilient Black South African students' experiences* / L.C. Theron, A.M.C. Theron // *Children and Youth Services Review.* – 2014. – Vol. 47, № 3. – P. 297–306. DOI: 10.1016/j.childyouth.2014.10.003

19. Thompson, R.A. *Nurturing future generations: promoting resilience in children and adolescents through social, emotional and cognitive skills* / R.A. Thompson. – N.Y.: Routledge, 2006. – P. 532.

Яценко Елена Федоровна, доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой прикладной психологии, Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I (Санкт-Петербург), elfed58@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5172-9385

Саркисян Лилия Вагановна, кандидат психологических наук, профессор кафедры педагогики и психологии, Костанайский государственный университет им. А. Байтурсынова (Костанай, Казахстан), lvsark@mail.ru, ORCID: 0000-0001-9308-4001

Мелатен Римма Раисовна, преподаватель, Чартерная школа для взрослых «New opportunities organization» (Лос Анджелес, Калифорния, США), rimmas50@gmail.com, ORCID: 0000-0003-0970-7216

Поступила в редакцию 22 мая 2019 г.

DOI: 10.14529/jpps190304

ETHNOCULTURAL DIFFERENCES IN IMPLICIT REPRESENTATIONS ABOUT A VIABLE PERSON

E.F. Yashchenko¹, elfed58@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5172-9385

L.V. Sarkisyan², lvsark@mail.ru, ORCID: 0000-0001-9308-4001

R.R. Melaten³, rimmas50@gmail.com, ORCID: 0000-0003-0970-7216

¹ Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University (PGUPS), St. Petersburg, Russian Federation

² Baitursynov Kostanay state University, Kostanay, Kazakhstan

³ Charter School for Adults “New Opportunities Organization”, Los Angeles, California, USA

Aim. The idea of studying implicit representations about a resilient person in the cross-cultural context is of great interest in establishing the strategies of resilience. **Materials and methods.** At first stage, the associative experiment was conducted based on responses to a “resilient

person” stimulus. At the next stage, the method of subjective scaling was used. The results obtained were processed with factor analysis using the Statistica 15.0 software. **Results.** Various factor structures of mental representations of a resilient person were revealed. **Conclusion.** During the study, it was revealed that ordinary representations about a resilient person in respondents from Russia, Kazakhstan and the USA possess similarities and differences. All respondents associate high resilience with the meaning of life, optimism and love of life. Respondents emphasize a high significance of determination, adaptability, self-development and personal growth. The factor structure of implicit representations in Russian students matched the results of an earlier factorization in adult Russians. Pronounced cross-cultural differences were revealed in associations regarding family. These associations are significant for students from Kazakhstan and the USA but do not fall into the area of significance for Russians. Young people from the USA perceive the family as something that contributes to one’s resilience. Kazakh students associate resilience with the ability to create and maintain a family, to meet the hope of parents. Kazakh students consider the meaning of life, optimism, humanity, faith in God (Allah), service to him, humility (“not to be proud”) as the main things for maintaining resilience. For Russians and Americans, their pride and self-esteem are considered as more important in maintaining resilience. For Americans, resilience is determined by strength and endurance. Russian students are convinced that a resilient person consists of determination, independence, intelligence, adaptive abilities and success.

Keywords: human viability, implicit representations, ethnocultural differences, associative experiment, semantic universals, factor analysis.

References

1. Artem'eva E.Yu. *Osnovy psikhologii sub"ektivnoy semantiki* [Fundamentals of the psychology of subjective semantics]. Ed. Hanina I.B. Moscow, Science, Sense, 1999, 350 p.
2. Vyigotskiy L.S. *Pedagogicheskaya psihologiya* [Pedagogical psychology]. Ed. Davyidova V.V. Moscow, Pedagogika-Press, 1999, 536 p.
3. Gayazova L.A. [Cross-cultural research on children's resiliency resources]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen university journal of humanities & sciences], 2011, no. 139, pp. 35–414. (in Russ.)
4. Kubryakova E.S., Demyankov V.Z. [On mental representations]. *Voprosyi kognitivnoy lingvistiki* [Issues of cognitive linguistics], 2007, no. 4, pp. 8–16. (in Russ.)
5. Prohorov A.O., Alekseeva E.M. [Implicit associative component of mental states representations]. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Psychology], 2017, no. 63, pp. 36–48. DOI: 10.17223/17267080/63/3
6. Ryl'skaya E.A. *Psikhologicheskaya kontseptsiya zhiznesposobnosti cheloveka* [The psychological concept of human vitality]. Chelyabinsk, Poligraf-Master, 2013, 336 p.
7. Savitskaya N.V., Krukovskaya O.A., Ivolina T.V., Dedova O.V. [Low psychological resilience as a reason of low academic performance in schoolchildren]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* [Journal of Modern Foreign Psychology], 2018, vol. 8, no. 1, pp. 64–75. (in Russ.) DOI: 10.17759/jmfp.2019080107
8. Serkin V.P. [On the possibilities of the semantic universal method]. *Vestnik MGU. Seriya 14. Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin], 2000, no. 4, pp. 74–79. (in Russ.)
9. Uzakova S.A., Shergalieva M.T. [The influence of the Kazakh national mentality on the formation (construction) of family values]. *Molodoy ucheniy* [Young scientist], 2014, no. 15, pp. 369–371.
10. Ungar M. [Situational and cultural aspects of the vitality of abandoned and abused children]. *Zhiznesposobnost cheloveka: individualnyie, professionalnyie i sotsialnyie aspekty* [Human vitality: individual, professional and social aspects]. Ed. A.V. Mahnach, L.G. Dikaya. Moscow, Institute of Psychology RAS, 2016, pp. 377–394. (in Russ.)
11. Bascoe S.M., Davies P.T., Sturge-Apple M.L., Cummings E.M. Children’s Representations of Family Relationships, Peer Information Processing, and School Adjustment. *Dev. Psychol.*, 2009, vol. 45, no. 6, pp. 1740–1751.
12. Grotberg E. The International Resilience Research Project [e-book]. 1997, Available from, ERIC, Ipswich, MA.

13. Holaday M., McPhearson R. Resilience and severe burns. *Journal of Counseling & Development*, 1997, vol. 75 (5), pp. 346-356.
14. Ionescu S. [Cultural resistance]. *Mir nauki, kulturyi, obrazovaniya* [The world of science, culture, education], 2008, no. 3 (10), pp. 74-76.
15. Makhnach A.V., Laktionova A.I. Social and cultural roots of Russian youth resilience: Interventions by the state, society, and the family. Handbook for working with children and youth. Pathways to resilience across cultures and contexts. M. Ungar (Ed.). Thousand Oaks-L.-New Delhi, Sage Publications, Inc., 2005, pp. 371-386.
16. Oldfield J., Stevenson A., Ortiz E., Haley B. Promoting or suppressing resilience to mental health outcomes in at risk young people: The role of parental and peer attachment and school connectedness. *Journal of Adolescence*, 2018, vol. 64, pp. 13-22. DOI: 10.1016/j.adolescence.2018.01.002
17. Oshio A., Taku K., Hirano M., Saeed G. Resilience and Big Five personality traits: A meta-analysis. *Personality and individual differences*, 2018, vol. 127, pp. 54-60. DOI: 10.1016/j.paid.2018.01.048
18. Theron L.C., Theron A.M.C. Education services and resilience processes: Resilient Black South African students' experiences. *Children and Youth Services Review*, 2014, vol. 47, no. 3, pp. 297-306. DOI: 10.1016/j.childyouth.2014.10.003
19. Thompson R.A. Nurturing future generations: promoting resilience in children and adolescents through social, emotional and cognitive skills. N.Y., Routledge, 2006, 532 p.

Received 22 May 2019

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Яценко, Е.Ф. Этнокультурные различия в имплицитных представлениях о жизнеспособном человеке / Е.Ф. Яценко, Л.В. Саркисян, Р.Р. Мелатен // Психология. Психофизиология. – 2019. – Т. 12, № 3. – С. 42–55. DOI: 10.14529/jpps190304

FOR CITATION

Yashchenko E.F., Sarkisyan L.V., Melaten R.R. Ethnocultural Differences in Implicit Representations about a Viable Person. *Psychology. Psychophysiology*. 2019, vol. 12, no. 3, pp. 42-55. (in Russ.). DOI: 10.14529/jpps190304
